Н. В. Шапошникова

Михаил Афанасьевич Булгаков, выдуманный Курцио Малапарте

МОСКВА
2018

Н. В. Шапошникова

Михаил Афанасьевич Булгаков, выдуманный Курцио Малапарте

Москва

2018

УДК 821.161.1–94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ш24

Ш24 Шапошникова, Н.В. Михаил Афанасьевич Булгаков, выдуманный Курцио Малапарте. / Н.В. Шапошникова. Ред. О.А. Дименко. – М. : Изд-во Благотворительного фонда имени М.А. Булгакова, 2018. – 44 с.

ISBN 978-5-9905404-3-9

Данная публикация представляет собой воспоминания Н.В. Шапошниковой, в которых фигурирует знакомый её семье писатель М.А. Булгаков, близкая семье Булгаковых М.А. Чимишкиан (Ермолинская), а также итальянский писатель и журналист Курцио Малапарте и поэт Владимир Маяковский. Помимо этого, в издании приведены комментарии Наталии Вадимовны к нескольким современным публикациям о М.А. Булгакове.

На фотографии изображена Мария (Марика) Артемьевна Чимишкиан (Ермолинская). 1928. Фото Б.В. Шапошникова

© Н.В. Шапошникова, автор, 2018
© О.А. Дименко, макет, 2018
© Благотворительный фонд имени М.А. Булгакова, 2018

Михаил Афанасьевич Булгаков, выдуманный Курцио Малапарте

По поводу отрывка из повести «Москва, мы все к тебе придём…», помещённой автором Лейлой Александер-Гаррет в журнале Слово/Word, № 89 от 20.02.2016, могу сказать следующее.

Разговор идёт о хорошо знакомом мне итальянском писателе и журналисте Курцио Малапарте. С большим интересом и даже восхищением самой мне довелось перевести с итальянского и французского языков его роман «Капут» на русский и перевод был опубликован в Ленинграде в журнале «Нева» за октябрь-декабрь 1990. Правда, в большом сокращении, так как именно тогда все толстые журналы в России принялись печатать огромные тексты произведений Солженицына, и редакция журнала «Нева», поначалу намереваясь напечатать Малапарте «от первого до последнего слова», как сказал главный редактор журнала Никольский, в результате вынужденно сократила текст романа «Капут» даже на несколько листов.

На то, что мне пришлось прочесть в отрывке из вышеназванной повести, скажу, что Курцио Малапарте никогда не видел Михаила Афанасьевича Булгакова сидевшим на Воскресенской, то бишь площади Революции, и смотревшим в слезах на потные от жары лица москвичей, которые

шли перед ним в Пасхальный день под звуки выкрикивавшихся из репродукторов ругательств Демьяна Бедного в адрес Иисуса Христа и громогласий во славу коммунистической партии и правительства.

Также само, как никогда Курцио Малапарте не видел русского смертельно раненого солдата на носилках, когда к нему подошла собака и солдат сначала погладив пса и приласкав его, вдруг схватил острый кусок, обломок льда, и с силой остриём ударил собаку между глаз, поранив её до крови и смертельного исхода: солдат и собака умирали одновременно!

Не правда ли, чудовищный гротеск!

А какое впечатление создаётся от русского солдата, который, безусловно, не стал бы поступать таким образом, тратя последние силы на никому не нужное убийство собаки…

Лихолетье в России, безбожие?

В данном случае – это безбожие в обременённом образами зла и насилия мозгу Малапарте, не удержавшегося в описаниях России от собственных образов параноического зла.

Это всё вроде образов чудовищного воображения Сальвадора Дали, только в литературном творчестве.

Насмотревшись ужасов войн и смерти, в восемнадцатилетнем возрасте отравленный в Первую мировую войну применённым тогда

немцами химическим изуверским оружием – слепящими, удушающими смертоносными газами, Курцио Малапарте, в ту пору ещё под истинным именем – Курт Зуккерт (по отцу – немец, по матери – итальянец с русскими предками), как личность высочайших переживаний и творческого таланта, в своих произведениях художественной литературы в первую очередь неминуемо придерживался не столько сухой истины, сколько гипертрофированного отношения ко злу и насилию, если дело касалось именно таких персонажей, да и образов, немедленно возникавших в его мозгу даже в самых мирных случаях.

Малапарте не обязан был писать в романе, подчёркиваю: именно в художественном произведении, в его романе «Бал в Кремле», что Михаила Афанасьевича Булгакова он видел только один-единственный раз – в поездке с четой Пиччини, с Марией Артемьевной Чимишкиан и Михаилом Афанасьевичем с Любовью Евгеньевной Булгаковыми в Архангельское, где все они провели велело и беззаботно всего-то с 9-ти до 15-16 после полудня; вернулись в Москву и остались с Марией Артемьевной – Марикой – вдвоём на остаток дня, ночь, день и, кажется, ещё одну ночь. Потом Малапарте вернулся в Италию, и Марика его более никогда не видела, – никогда!

Через Пиччини (супруга Пиччини была её школьной подругой в Тифлисе) Марика получила письмо от Малапарте, ему не ответила, опасаясь подобных дел в тогдашней советской действительности, а когда Ермолинского арестовали, она попросту сожгла это письмо! Письмо Малапарте было переполнено восхищением её красотой, благодарностью за проведённое с ним время и надеждой на, возможно, встречу, если такую милость окажет им судьба. Вот и всё.

Письмо читали многие друзья, в том числе и моя бабушка Наталия Казимировна Шапошникова.

Ещё раз повторяю: Малапарте никогда более не виделся с Михаилом Афанасьевичем, ни в каких театрах с ним, конечно, не бывал, – не было случая. Никаких встреч на улицах или ещё где бы то ни было у них не происходило. Только поездка в Архангельское.

Мне довелось знать всё это от очень близких друзей Михаила Афанасьевича и от разной близости знакомых, не говоря уже о том, что собственная моя семья – тоже его близкие знакомые. Мне довелось бывать в домах, в которых бывал Михаил Афанасьевич. И что же! Буквально все знали и были наслышаны о путешествии в Архангельское, о Марикином романе. Обсуждалось это так и эдак многократно и многословно, в спорах и в спокойных беседах.

Из личностных качеств Михаила Афанасьевича итальянский писатель именно по личному своему опыту просто мало что знал. Всё это описано мною в многоглавной рукописи моей о Булгакове.

Курцио Малапарте мог судить о Михаиле Афанасьевиче по произведениям нашего многими любимого писателя. Произведения эти попадали в Европу, как мы знаем. А в особенности – по булгаковским великолепным романам «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», – последний, скорее всего, был им получен в 1956, когда Малапарте был в Москве во второй раз в своей жизни. Он не повидался с Марикой, как он сам пишет в своём «Я в России и Китае», глава II – «Марика как вчера». С грустью, даже с горечью, он пишет там, что, видимо, Марики уже и нет в живых.

Заметьте, о Булгакове там нет и помину.

В существе личности Михаила Афанасьевича Малапарте, к сожалению, глубоко ошибался.

Во-первых, Михаил Афанасьевич не стал бы сидеть и плакать на Воскресенской площади, слушая рык отвратительных слов Демьяна Бедного. Не таким Михаил Афанасьевич был человеком: не общественно демонстративным, не слабым и безвольным, чтобы устраивать подобную демонстрацию там, где его могли видеть многие и многие, и к тому же в те времена доносчиков, «стукачей», было весьма много, а это могло гро-

зить самым худшим на свете. Михаил Афанасьевич не стал бы слушать всю гнусь Демьяна Бедного, вопившего на всю округу из репродукторов. Демьян Бедный был не для него, Михаил Афанасьевич ведь прекрасно знал, что это было за безобразное безумие приспешничества власти.

Кроме того, Михаил Афанасьевич всегда на Пасху старался принять у себя гостей с угощением на белой чистой скатерти, как положено было на Руси. Когда у него спрашивали, почему он не боится, что его за это осудят, он отвечал: «Мы же русские, православные люди». А в первый день Пасхальной недели, о котором пишет Малапарте, как известно, полагалось наносить друзьям визиты. Так что «сидения и плача» на Воскресенской площади просто и быть не могло.

Дальше больше! Булгаков никак не мог сказать «Христос ненавидит нас» при несуществовавшей встрече с ним Малапарте на Воскресенской площади. Для подобных слов Булгаков был и оставался истинно православным человеком. Подумайте сами! Мы ведь теперь вновь обрели право на веру, а многие из русских людей во времена лихолетья и безбожия никогда и не отказывались от веры!

Самое же большое заблуждение Малапарте оказалось ещё в том, что говорится в цитатах из

романа «Бал в Кремле» у Лейлы Александер-Гаррет:

«В романе „Бал в Кремле“ Малапарте спрашивал Булгакова, в каком из его персонажей скрывается Христос? Речь шла о „Днях Турбиных“. Булгаков ответил, что в его пьесе у Христа нет имени. „Сегодня в России герой Христос не нужен…“. Малапарте продолжал свой допрос: „Ты боишься назвать его имя, ты боишься Христа?“. „Да, я боюсь Христа“, – признавался Булгаков. „Вы все боитесь Христа. Почему вы боитесь Христа?“ – не унимался итальянец».

Простите, кто это «вы все»?

Что, Булгаков был просто как все, написав «Белую гвардию» с апокалиптическими реминисценциями даже в построении отдельных текстов, написав «Мастера и Маргариту», где новозаветная тема именно сопровождает, и самым блестящим образом, главы о Древнем Иерусалиме и истории с распятием Христа.

Михаил Афанасьевич Булгаков был истинно верующим человеком, нёсшим в себе православие из поколений своей семьи служителей церкви, иереев, а отец его, кроме того, был профессором Киевской Духовной Академии.

Малапарте нанёс бы глубокое оскорбление своим «вы все боитесь Христа», если бы в действительности подобным образом разговаривал с Михаилом Афанасьевичем.

Кто это из истинно верующих православных людей может бояться Христа? Любой священник в православной церкви ответит на такой вопрос, может быть, и возмущенно, впрочем, такая эмоциональность не годится настоящему священнику: он, словно устами Бога на земле, постарается успокоить вопрошающего и ответит, что только любовь и смирение могут сопровождать душу и сердце истинно верующего человека в его отношении к Иисусу Христу.

Христос никак не станет ненавидеть людей, Он даёт им выбор: раскаяние в ведомо и неведомо греховном и упование на спасение, прощение.

Надо сказать, что ненависть, отвращение к людям – традиция пережиточная со времён Античности, которой Малапарте, как человек высокообразованный, был вполне переполнен.

Читайте, например, Овидия, его «Метаморфозы»: потопы, глобальные катастрофы, уничтожения людей у античных поэтов, историков и т.д. происходили от того, что древнеримский Юпитер, он же древнегреческий Зевс, поражаясь на жестокость, порочность и безбожие людей по всей Земле желал уничтожить род людской, лишь оставляя возможность продолжения людской жизни и будущего расселения уже новых и улучшенных поколений.

Итак, разговоров о Христе никогда не случалось у Малапарте с Булгаковым, – их просто не

было. Итальянский писатель их не более как явно выдумал в своих художественных произведениях, правда, как-то без истинного понимания того, что при этом могло и не могло происходить. В художественном произведении он вполне имел право описывать свои несуществовавшие посещения России как творческая личность. Только не попадать при этом впросак!

Другое дело, что он выдумал со своей весьма несостоятельной точки зрения католика, демонстративно не признававшего и католицизма, совершенно не веруя и в коммунизм, хотя перед самой смертью вступил в коммунистическую партию Италии, устроив из этого некий фарс и якобы набравшись этих идей во время посещения Китая Мао Цзедуна (1893 – 1976, в 1954 – 1959 – председатель КНР, Малапарте был там в 1956), выдумал, говорю я, личность нам дорогого большого русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова.

Сама я, как переводчик его романа «Капут» и читатель (с небольшим переводом на русский) его «Я в России и Китае» восхищалась Курцио Малапарте – писателем и личностью.

Хотела переводить его «Шкуру», прочтя её.

Но тут остановилась!

Главным образом из-за чудовищного безбожия, фантастических скабрёзностей плана го-

мосексуализма, найдя всё это в его романе. Не захотелось полоскаться во всей этой грязи…

Поверьте, Малапарте не должен был замахиваться на личное знание Михаила Афанасьевича Булгакова, сочетая это с вымышленными, никогда не существовавшими встречами с ним в московской действительности 1929.

Кроме того, хочу отметить и совершенно чуждый мне рассказ, – столь, что называется «притянутый за уши» – насчёт Марии Артемьевны Чимишкиан-Ермолинской и Любови Евгеньевны Белозерской-Булгаковой, изложенный Н. Громовой в ею названной «документальной» повести «Сергей Ермолинский между Курцио Малапарте и Михаилом Булгаковым»[1]. Из всех набранных ею с большой натяжкой сведений, а иногда и прямого обмана, эта современная писательница замахивается, причём весьма безапелляционно, на имена честных и открытых людей, с которыми были знакомы десятки и десятки лиц, тех, кого к настоящему моменту, к сожалению, не стало, и некоторые из них умерли уже давно.

Также как с Булгаковым Курцио Малапарте встретился с Марикой через Пиччини, тогдашнего представителя итальянской фирмы «Фиат» в Москве, в поездке в Архангельское всего на по-

---

[1] Статья опубликована в журнале «Знамя», 2018, № 5, с. 8-41.

ловину дня. По возвращении в Москву, которого они с Марикой уже нетерпеливо ждали, а сам Малапарте постарался ускорить этот отъезд, сказав, что его ждут дела, у них случился весьма бурный роман, длившийся всего-то полтора дня и две ночи. Затем Малапарте вынужден был уехать в Италию, как и был обязан, и более никогда не возвращался в Москву до 1956, когда проездом из Китая и памятуя о Марике, посетил места их встреч двадцатилетней давности. Увидел очень изменившуюся Москву. Так итальянский писатель сам написал в своей книге «Я в России и Китае», – книга вышла в свет в Италии, в 1957.

Никаким литературным секретарём, якобы предоставленным ему Каменевой и Троцким, Марика никак не могла быть и тем более переводить Малапарте письма Ленина. Марика была профессиональной медицинской сестрой и работала соответственно. Конечно, она знала французский язык, разговаривала по-французски как француженка, но ни на какую работу с французским никогда не решалась, не хотела её. Это было не для неё. Ни в какую квартиру В. В. Маяковского, тем более в 1930-м, когда Марика была уже замужем, она не ходила с Малапарте. Кстати и потому, что Малапарте в 1930-м не было в России (СССР). Малапарте написал это? Да он вовсе не знал того, что Марика тогда уже была замужем. Все свои посещения и работу в

России Малапарте просто выдумал таким же образом, как и встречи с Булгаковым. Всего этого на самом деле не-бы-ло! Да и Марика не была грузинкой, – видимо, эта «грузинка Марика С.» просто тоже выдуманный итальянским писателем персонаж в его художественном творчестве.

Спросите у Сальвадора Дали, как он посмел писать свою любимую Гала в образе Мадонны – Девы Марии?

Придёт ли вам в голову молиться у подобной «иконы»?

А ведь в вечно творческом мозгу художника, гениального и всеми признанного таковым, кстати, и уверенного в своей гениальности: «Абстракционизм – это я!», создавшего так называемый «параноидально-критический метод» разработки материала картины, возникала и ещё одна мысль: при всей его более чем феноменальной экстравагантности, в период своего обращения к религиозным сюжетам и вместе с тем к более или менее реалистической манере, классическому стилю (после 1948), своим, например, полотном «Тайная вечеря» (1955) утверждал любовь к Богу, а не какой-то там страх перед Ним:

«Над всеми присутствующими вознеслась полупрозрачная фигура, парящая в облаках с распростёртыми руками, и это – главная идея сюжета, она говорит о готовности Бога Отца охватить весь мир, о христианском всепрощении,

о великой силе добра и любви, которая спасёт мир». Сальвадор Дали (1904 – 1989). Альбом. – М.: «Директ-Медиа», 2016, с. 61.

Кто-то говорит, что Малапарте – это вылитый портрет булгаковского Воланда. Да, видимо, Курцио Малапарте именно хотел бы походить на этот булгаковский персонаж. Малапарте хотел, – да, хотел! – прослыть сверхчеловеком, остаться среди литературных персонажей, нашумевших на весь мир, и именно такого рода. Он, безусловно, ознакомился с содержанием романа «Мастер и Маргарита», наверное, путём его перевода ему, может быть, устного с русского текста, приобретённого им в Москве, в 1956. Он и воспользовался этим текстом.

Но это вовсе не значит, что мы, русские люди, немедленно подхватим эту идею и станем теперь утверждать, что сей итальянский красавец в канотье, по Белозерской – «самый красивый мужчина» из тех, кого Любовь Евгеньевна когда-либо видела в жизни, именно и есть прототип булгаковского Воланда.

Вовсе нет!

То, какими разговорами и словами Михаил Афанасьевич и Курцио Малапарте перебрасывались во время их беготни, прыганий и игр в Архангельском на свежем воздухе и по молодой траве в погожий день, мне довелось написать со слов Марики, и это, по крайней мере, – верно,

конкретно и сходится с некоторыми подробностями текста Михаила Афанасьевича. Мною там ровным счётом ничего не выдумано.

О поездке в Архангельское с четой Пиччини и Курцио Малапарте

Из воспоминаний Л. Е. Белозерской:

«Погожий весенний день 1929 года. У нашего дома остановился большой открытый «Фиат»: это месье Пиччин заехал за нами. Выходим – Мака, я и Марика. В машине знакомимся с молодым красавцем в соломенном канотье (самый красивый из всех когда-либо виденных мной мужчин). Это итальянский журналист и публицист Курцио Малапарте…».

К сожалению, Любовь Евгеньевна не рассказала никаких подробностей об их встрече и поездке в Архангельское, о проведённом там дне, а вот Марика, Мария Артемьевна Чимишкиан-Ермолинская всё-таки кое-что мне рассказала, и это – следующее.

В Архангельском они провели время очень весело, играли, бегали, шутили – развлекались, как могли. Из их разговоров Мария Артемьевна запомнила и поведала мне интересную подробность. В Архангельском, когда во время утроенного там лёгкого пикника зашёл разговор о водке – по-французски «eau de vie», ведь все между собою могли изъясняться только по-французски, то есть на языке, который все они, правда, в разной степени совершенства, знали (Булгаков – меньше всех, но лёгкий разговор мог поддер-

жать). По-итальянски слово «водка» звучит как «аква де вита», то есть, как и по-французски, – «вода жизни». Курцио Малапарте стал шутить со словом «аква» (вода) и принялся называть разные слова и выражения с этим словом, среди которых оказались и «аква Тофана» (напиток Тофаны, смертельное зелье), и Аквавива – итальянская фамилия, а также «аквамарин» – «морская вода» и т. д.

Некоторое время они с Михаилом Афанасьевичем всё комментировали по этому поводу, смеялись, дополняя друг друга.

Когда на следующий день Малапарте с Марикой гуляли по Москве, Марика попросила Малапарте объяснить ей подробнее вчерашние шутки по поводу слова «аква». Из того, что Малапарте тогда ей рассказал, Марика запомнила именно то, что потом ей удалось прочесть в произведениях того и другого. А именно: то, что означало «аква Тофана», – в конце XVII столетия, в Италии, некая женщина по имени Тофана продавала напиток, якобы способствовавший пищеварению, и таким образом ей удалось отравить, – ибо её напитком был смертельный яд, – около 600 человек.

Марика запомнила и то, что таила в себе фамилия Аквавива: граф Конверсано (Джулио Джанджироламо II), который в XVI столетии, после длительной карьеры военного, мирно посе-

лился в своём имении и занялся науками и искусствами, но, очевидно, был крайне жесток, так как оставил после себя в замке большие кресла, обтянутые человеческой кожей (между прочим, именно женской: этому свидетельствовали женские груди, оставленные напоказ на коже кресел).

Мария Артемьевна вспомнила об этих чудовищных исторических фактах, рассказанных ей Малапарте, когда нашла упоминание о первом – в романе «Мастер и Маргарита» (глава «Великий бал у Сатаны»), а рассказ о втором – в романе «Капут» Курцио Малапарте, который прочла на французском языке ещё задолго до меня, – кто-то ей дал прочесть, теперь не помню кто, и тогда же рассказывала о книге моей бабушке, а потом, значительно позже, мы с Марикой тоже вели об этом всём долгие беседы. Мне эти разговоры, конечно, были очень интересны.

Ни у того, ни у другого писателя нет упоминания об их встрече, о времени, проведённом в Архангельском, но, возможно, говоря в своих произведениях об этих двух, хотя по своей сути и ужасающих фактах итальянской истории, они всё-таки вспоминали друг друга и весёлые свои перебрасывания словами во время пикника в окрестностях Москвы.

Марика[2]

«Марика как вчера».
Название гл. II книги Курцио
Малапарте «Я в России и в Китае». Paris, 1957.

Выше разговор коснулся Марики Артемьевны (Чимишкиан) Ермолинской. Захотелось продолжить этот разговор.

Марика была тифлисской приятельницей Булгаковых. Их знакомство в Тифлисе (Тбилиси) в 1927 вкратце описала Любовь Евгеньевна в книге «О, мёд воспоминаний», причём у Любови Евгеньевны с Марикой разнится год их знакомства: Марика утверждает, что вне всяких сомнений, это был 1927, а Любовь Евгеньевна в воспоминаниях отметила год 1928.

Вот, как пишет о тифлисском знакомстве Любовь Евгеньевна:

«Мы выехали 21 апреля [1928] <…>, 24 апреля – Тифлис. На вокзале нас встретила знакомая М.А. ещё по Владикавказу – Ольга Казимировна Туркул <…> Она предоставила нам ночлег на первую ночь. На другой день мы уже перебрались в гостиницу «Ориант» на проспекте Руставели <…> Та же О.К. привела нас на боковую ули-

---

[2] Глава XXV из рукописи Н.В. Шапошниковой о М.А. Булгакове.

цу и познакомила с хозяйкой-француженкой, а заодно и с её внучкой Марикой Чимишкиан, полуфранцуженкой-полуармянкой, молодой и очень хорошенькой девушкой, которая потом много лет была связана с нашей семьёй <…>

Хотелось посмотреть город. М.А. нанял машину, и мы покатались вволю, а вечером пошли в театр смотреть «Ревизора» со Степаном Кузнецовым. [3]

Я посмотрела первое действие и заскучала.

– Вот что, братцы, – сказала я Маке и Марике, – после Мейерхольда скучновато смотреть такого «Ревизора». Вы оставайтесь, а я пойду пошляюсь…» (С. 145).

Ольга Казимировна Туркул привела Булгаковых на Дворцовую улицу, в кондитерскую Лоц, которую завела и продолжительное время ей владела бабушка Марики. Там был французский повар. Он делал конфеты и пирожные. В городе их ценили и много покупали в кондитерской. Их кондитерская процветала. Была известным местом в Тифлисе для того, чтобы там посидеть, перекусить, поговорить, узнать новости, встретиться с нужными людьми. Там можно было по-

---

[3] Кузнецов Степан Леонидович (1879 – 1932) – актёр любительских спектаклей, с 1901 – профессиональный, с 1908 – МХАТ, затем – провинция, с 1925 – Малый театр, Москва.

листать французские журналы моды, – самые новые: их выписывали из Франции, из Страсбурга, откуда была родом Марикина бабушка, и из Парижа.

Кондитерская Лоц выполняла большие заказы на обслуживание своей продукцией приёмов, – самых престижных и высокопоставленных, – праздников, свадеб. Плата за обслуживание зависела от заказчика: как мне объяснила Мария Артемьевна, в Тифлисе ведь все друг друга знали, особенно среди тех, кто мог что-то заказывать и был платёжеспособен, поэтому брали и по справедливости, и милосердно. Кондитерская готовила даже мороженое, – тогда большой деликатес: очень вкусное, сделанное по особым рецептам и рецептам разнообразным, всегда очень красиво украшалось.

Делали свой фирменный хлеб: хлеб был формовой из кукурузной муки, и его поверхность натирали корнем сельдерея и яблоком с шафраном. Было в нём и ещё несколько ингредиентов. Свежести хватало на два дня. Были это круглые, небольшие скорее хлебцы.

Мария Артемьевна звалась Марикой в семье с детства. В Москве все близкие называли её тоже Марикой, а также не Марией, а Марикой Артемьевной, как и я её называла.

Вскоре после знакомства в Тифлисе с Булгаковыми и в том же, всё-таки, 1927, Марика по-

ехала погостить в Ленинград. Поездка давно была задумана: к родственникам, семье Фёдора Густавовича Бернштама и его сына Фёдора Фёдоровича. Бернштамы жили тогда на Мойке, дом № 9, кв. 26.

На несколько дней оказавшись тоже в Ленинграде, Михаил Афанасьевич приходил к Марике в гости. Однажды – в сопровождении писателя Евгения Ивановича Замятина. Это было в первый визит Михаила Афанасьевича к Марике. Отправились гулять на острова. К ним присоединилась жена Евгения Ивановича, Людмила Николаевна, урождённая Усова, – врач. Целый день развлекались на аттракционах, особенно веселились в парке на Елагином острове, – на колесе смеха. Булгаков жил тогда в гостинице «Европейской».

Со слов дяди Феди Марика рассказала мне следующее.

Дядя Федя улёгся на кровать и стал смотреть в потолок. Время шло, ему ещё надо было возвратиться сегодня же в Петергоф[4], а Марика всё где-то пропадала, – хоть иди её искать! Ведь

---

[4] Длительное время Фёдор Густавович Бернштам продолжал и после революции работу главного хранителя Дворца-музея в Петергофе. Многое о Ф. Г. Бернштаме можно узнать в Архиве Н. Ф. Финдейзена – Ф. 816, оп. 2, е/х 1159 (1924 –1927), – ИМЛИ.

вот нужно же было пускать её одну в незнакомый город. Теперь жди у моря погоды! Хоть бы Фёдор был в городе! Так нет – сын никак не возвращался из Москвы.

Фёдор Густавович встал и прошёлся по комнате. Мысли улетели далёко, туда, где он родился и жил с детства в благословенном и солнечном городе Тифлисе. Оттуда к нему сейчас приехала Марика. Там, на улице Леселидзе, был дом его отца Густава Бернштама, а в доме – книжная торговля. По высочайшему повелению Государя Императора Александра III, которому о нём было доложено, за просветительскую деятельность, – очень достойную и развитую книжную торговлю, Густав Бернштам получил звание почётного гражданина города Тифлиса.[5] Удостоенный такого звания, Густав Бернштам смог послать в Петербург сына Фёдора учиться в Академии Художеств – тот подавал надежды для поступления туда по разряду архитектуры.

Мельком взглянул Фёдор Густавович в окно, – не идёт ли Марика. За окном – обычный вид: решётка и ворота их двора, кусок набережной и Мойка, а на другом берегу реки громадное здание Конюшенного ведомства.

---

[5] Так называли Тбилиси в тогдашней русской транскрипции.

Вот с набережной во двор вошли два весёлых молодых человека. Остро поглядывая друг на друга, они оживлённо перебрасывались словами. А Марики всё не было! Дядя Федя только было опять решил прилечь, как раздались короткие звонки в дверь, – вот она, коза, наконец-то, пришла! Наверное, со стороны Миллионной, а то как это так быстро поднялась? Ведь только что её не видел во дворе. Пошёл открывать дверь. Одна из соседских дверей чуть приоткрылась щёлкой, – соседка подглядывала. В квартире шесть комнат и в каждой – по семье. Это после его-то квартиры в Академии Художеств, где устраивались знаменитые вторники! А здесь всё разношёрстная публика. Люди, люди, племена и народы в вечном столкновении друг с другом: кухня – вавилонское столпотворение, место главного побоища; коридоры, ванная, уборная, чулан – места военных манёвров, стратегические точки, где расставлялись западни и засады. Завистливое любопытство и недоброжелательность подступали со всех сторон. Совсем как войско злостного Мышиного короля в «Щелкунчике». А сейчас – в особенности: ирокезы брали приступом удивительное происшествие в квартире: к этим художничкам, видите ли, прибыла девушка-красотка, да ещё они разговаривают между собой по-французски, чтобы соседи их не понимали. А ведь сразу видно, – девушка-то им

не родня, больно другая, по-русски-то с акцентом говорит, какая-то грузинка-армянка! Тоже ещё, новости! Не сходить ли куда?

Соседские страсти, подозрительные подглядывания, человеческая глупость и тупая злоба мигом окутали Фёдора Густавовича с ног до головы, затрудняя дыхание и путаясь в ногах, когда он, идя быстрым шагом, распахнул дверь из комнаты, прошёл ко входной двери и наспех открыл её, стараясь поскорее увидеть перед собою приятное красивое лицо с сияющими глазами в обрамлении длинных чёрно-бархатных ресниц.

Но ничего этого он не увидел. Перед ним стояли те двое молодых людей, что только прошли к ним во двор.

– Простите, пожалуйста, – сказал один из них очень любезно, и Фёдор Густавович с облегчением понял после первого момента неожиданного разочарования и настороженности перед чужими пришельцами, что имеет дело с приличными людьми, – вы, должно быть, Фёдор Густавович Бернштам. Мы пришли навестить мою тифлисскую приятельницу, Марику Чимишкиан. Она написала нам с женой, что будет в Ленинграде жить у вас, просила, при случае, зайти повидаться.

– Прошу, войдите, – ответил Фёдор Густавович, широким жестом показав на коридор и отступив назад от двери.

Молодые люди вошли и прошли в распахнутую из комнаты в коридор дверь.

В большой комнате прежних времён жили будто бы на бивуаке: и временно и постоянно. Новое житьё-бытьё всё оставалось более чем непривычным. Шёл уже 1927, а люди ещё не отделались от прежних навыков. Помнили, как надо жить, и хорошо знали, что жить так, как они жили теперь, – нельзя. В комнате стоял огромный ампирный комод красного дерева, вокруг, по периметру комнаты, от него шли кровати, то есть просто спальные места. У окна был выгорожен стол – рабочее место художника, архитектора или чертёжника. Посередине комнаты – стол и несколько стульев. По стенам – картины, рисунки, гравюры. Вид в окно – красивый городской пейзаж.

Хозяин пригласил молодых людей сесть-посидеть,[6] подождать Марику. Они представились:

---

[6] Тогда ещё, впрочем, и потом долго, не говорили этого анекдотичного слова «присаживайтесь», не имеющего никакого словообразовательного смысла в русском языке, а скорее исходящего из значения «сидеть», неприятного преступному миру.

– Михаил Афанасьевич Булгаков, живу в Москве, занимаюсь литературой, а это – мой друг, ваш петербуржец, писатель Евгений Иванович Замятин. Мы с женой недавно ездили в Тифлис и познакомились с Марикой в их кондитерской на углу улицы Леселидзе. Очаровательная семья. Марика завязала с женой большую дружбу. Вот как раз написала, что на месяц едет к вам, а потом проездом может на недельку остановиться в Москве. Мы её пригласили у нас погостить. Сейчас оказался здесь по делам. И решили с Евгением Ивановичем заглянуть к вам. Может быть, пришли некстати?

– Дело в том, что я сам жду не дождусь Марику. Она пошла пройтись по городу, да всё никак её нет! Вот-вот придёт! Посидите, подождите. Вот, хотя бы, посмотрите эти альбомы, а я пойду, поставлю чайник.

На столе лежали хлеб, масло в банке с водой, несколько яблок, в тарелке яйца горкой, какая-то коробка…

– Не беспокойтесь, пожалуйста. Мы ведь на минуту, только поздороваться и договориться о том, чтобы завтра пойти всем вместе с Марикой и с женой Евгения Ивановича погулять по городу, может быть, поехать за город или на Елагин остров в парк.

– Хорошо, передам Марике, чтобы завтра с утра ждала вас, была дома.

Молодые люди ушли, любезные, приятные люди, и Фёдор Густавович подумал, что вот они какие, эти тифлисские красавицы: не успеют приехать, а вокруг уже хоровод галантных мужчин.

Марика пришла ну просто через несколько минут, она не встретилась с молодыми людьми, так как, видимо, те через два проходных двора прошли на Миллионную в арку дома № 10, что красовался небольшим своим фасадом с барельефными медальонами с изображением муз и воительниц среди прочих дворцов и особняков этой когда-то аристократической улицы, теперь выглядевшей как-то фальшиво, халтурно из-за несоответствия прежнего вида зданий и нового поведения людей. Как только Фёдор Густавович начинал задумываться или просто возникала в нём любая мысль о прошлом, о том былом, что теперь далеко ушло и не собиралось возвращаться, сердце его сжималось, и ему не хватало воздуха. Он хотел тут же бежать в Петергоф, не дожидаясь Марики: там больше природы, чем людей. Или душа его просилась к его дружку, Петру Евгеньевичу Щербову, гатчинскому жителю, у которого ещё был дом, словно поразительная крепость, очень своеобразного вида – гатчинская достопримечательность – пока…

Марика рассказала, где была и что делала. Она пришла пешком с Невского через Б. Коню-

шенную, Конюшенную площадь, Конюшенный переулок и Б. Конюшенный мост и, как загнанный конь, еле доплелась в «конюшню», – на третий этаж дома, усталая и голодная, в большой надежде ещё застать дядю и с ним перекусить.

На следующее утро, несмотря на воскресный день, рано, около девяти часов, в дверь позвонили. На пороге стояли два вчерашних посетителя, но дверь им на этот раз открыла очаровательная Марика, девушка с огромными чёрными зрачками на голубевших белках глаз и с розовыми щеками на смуглом лице.

На пыльной и обшарпанной лестнице, по которой только что поднялись молодые люди, Марикины глаза сияли, словно в непристойное запустение вдруг выставили два драгоценных предмета из изысканной дворцовой витрины, где никогда в жизни не бывает и пылинки.

На молодых людей смотрели Марикины ясные, чудесные глаза.

Марика немного растерянно, но радостно поздоровалась: не ожидала столь раннего визита, еще не успела даже позавтракать, – завтракать все вместе идём в город.

Не медля, все трое вышли на набережную Мойки.

Был тёплый солнечный день, – лучшей погоды нельзя и пожелать. Направились в сторону Певческого моста и Дворцовой площади.

Возвратились поздно. Сильно устали. Марику до дома провожал Михаил Афанасьевич. Несмотря на целый день развлечений и хождений, Михаил Афанасьевич никак не хотел расставаться с Марикой. Они всё ходили и ходили по кругу, – вокруг дома Фёдора Густавовича, широкому кругу здешних Конюшенных, и всякий раз, когда Марике оставалось войти в дом и, наконец, добраться до кровати, буквально уже почти «на четвереньках», сбросить одежду, улечься и постараться как можно скорее заснуть, Михаил Афанасьевич предлагал ещё разок пройтись…

Стало совсем темно. И вот, в ночной темноте и уже на полном исходе сил Михаил Афанасьевич спросил, нельзя ли было вместе подняться в дом.

Что они и сделали… Немедленно, не раздумывая…

Так начался их роман.

Очень близкие, доверительные, безраздельно чуткие отношения с Марикой продолжались у Михаила Афанасьевича до самой его кончины: тринадцать переполненных всяческими событиями лет и в личной жизни обоих, и в жизни их – москвичей тех весьма сложных времён.

Возвращаясь из Ленинграда домой, в Тифлис, Марика по приглашению Булгаковых остановилась в Москве.

На вокзале её встречали: подруга детства Нато (Наталия Георгиевна) Вачнадзе, Булгаков и знакомый Марике по Тифлису Владимир Владимирович Маяковский. Встречавшие долго пререкались по поводу того, к кому поедет жить Марика – к Булгаковым или к Вачнадзе.

Нато в то время снималась у режиссёра Оцепа в фильме «Живой труп», в роли цыганки Маши, и жила в посёлке «Свет и воздух», находившемся на Беговой улице между Боткинской больницей и мостом над железной дорогой.

Маяковский попросил Марику показать ему билет в Тифлис, и когда та вынула билет, спокойно улыбаясь, Владимир Владимирович положил билет в карман, сказав, что из Москвы Марика уедет не раньше того дня, когда друзья решат, что ей пора это сделать. Таким образом, Маяковский заручился обязательной встречей с Марикой, – хотя бы одной, – билет остался у него.[7]

---

[7] Марика рассказала мне просто и без обиняков, что в Тифлисе, бывая в одних и тех же домах, что и Владимир Владимирович, они с ним, возвращаясь по домам, довольно часто отправлялись вместе в ночной город и, прежде чем разойтись, посиживали где-нибудь на тёмной лестнице, под крыльцом незнакомого дома. Когда я спросила, о чём они с Маяковским там разговаривали, Марика, можно сказать, резковато и удивляясь на мою наивность, ответила:

Не долго думая, Михаил Афанасьевич подхватил вещи Марики и без лишних слов предложил следовать за ним, настойчиво увозя Марику с собою, ревностно оберегая их знакомство.

Они приехали на Б. Пироговскую, дом № 35-а, кв. 6, где их поджидала Любовь Евгеньевна. Марика гостила у Булгаковых месяц.

Со слов Марики только что я описала её приезд из Ленинграда поездом в Москву. Вот то, что пишет Любовь Евгеньевна о том, как после остановки на Б. Пироговской улице Марика уезжала в Тифлис:

«В день её отъезда позвонил Маяковский и сказал, что он заедет проводить Марику (они старые тифлисские знакомые). В поместительной машине сидел он и киноактриса Нато Вачнадзе. Присоединились и мы трое. Большое внимание проявил В.В. [*Маяковский – Н.Ш.]* по отношению к Марике: шоколад, питьё в дорогу, журналы, чтобы она не скучала. И всё как-то очень

– Уж, во всяком случае, не разговорами мы там занимались…

Скажу откровенно, я была потрясена. Но таково было время, оно отличалось налётом круто-богемной тифлисской (впрочем, как и московской, петербургской) среды. Марика относилась к этой среде, была знакома со всеми тогдашними тифлисскими знаменитостями.

просто и ласково. По правде говоря, я не ожидала от него этого. Обратно мы ехали молча. Я сказала:

– Что это мы молчим? Едем, как с похорон.

Нато и Мака промолчали, а Владимир Владимирович сказал:

– Действительно, как с похорон.

Должно быть, здорово нравилась ему наша Марика» (С. 162. – М., 1989).

А потом…

Не прошло и нескольких месяцев, как Марика окончательно переехала из Тифлиса в Москву (1927 – 1928) вместе со своей близкой подругой детства, сестрой киноактрисы Наты Вачнадзе Кирой Георгиевной Андрониковой. Обе, – и Марика и Кира, – тогда снимались в кинематографе, правда, в эпизодах и на мелких ролях, но хотели серьёзно учиться актёрскому мастерству.

Поступили в студию Завадского.[8]

В студии бывали занятия «на натуре», например, занимались в сквере у Храма Христа

---

[8] Театральная студия режиссёра Юрия Александровича Завадского (1894 – 1947) существовала в Москве, в 1924 – 1936, с 1927 – Театр-студия Ю. А. Завадского. В 1936 была переведена в Ростов-на-Дону и создала основу Ростовского-на-Дону театра им. М. Горького, а Ю. А. Завадский с 1940 возглавил Московский театр им. Моссовета.

Спасителя и на его роскошной высокой лестнице. Отрабатывались и фиксировались движения, оттачивалась пластика движений.

Однажды за таким занятием застал их Николай Николаевич Лямин, любивший, выйдя поутру из дома на работу в погожий день, немного посидеть именно здесь, в этом сквере, на лавочке.

Будущие актёры, преследуя друг друга, разыгрывали некий детективный эпизод.

Смеясь, Николай Николаевич потом утверждал, что выглядели они совершеннейшими безумцами. Шуток и прибауток потом было не менее чем на несколько месяцев. А через лет побольше 20 – 25 это дошло и до меня.

Но вот, в один прекрасный день подруги пришли на очередное занятие и обнаружили там длинный свежевыстроенный забор.

Ни дорога, ни лестница не вели больше к Храму!

Молот с неотёсанной дощатой рукоятью приготовил свой бессмысленный удар: строился Храм 46 лет, простоял 42 года, а воздвигнутому здесь забору удалось продержаться без малого три десятка лет… Строительство грандиозного и помпезного Дворца Советов вместо Храма не получилось. Со временем здесь был устроен открытый бассейн, в нём погибали люди, а его испарения, особенно зимой, создавали дурную атмо-

сферу по округе, а главное, – для существования ценнейшего московского Музея изящных искусств, то бишь Изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, – в основном, для его хранилищ.

Бассейн исчез…

И опять появился Храм, словно по велению Божию!

Но первый был и лучше, и изящнее расположен, не совсем как теперешний. Теперешние барельефы были раньше несравнимо изобразительнее и благороднее, – белокаменные, беломраморные, – так вот, теперешний уже и сам простоял здесь более полувека.

Марика жила у Булгаковых и познакомилась со всеми их друзьями. Со своей стороны, она познакомила Михаила Афанасьевича и Любовь Евгеньевну со своими друзьями: Н. Г. Вачнадзе, К. Г. Андрониковой, позже ставшей женой писателя Бориса Андреевича Пильняка (1894 – 1938, настоящая фамилия – Вогау) и матерью писателя Бориса Борисовича Андроникашвили; с четой Пиччини – Антонио Пиччини, представителем фирмы «Фиат» в Москве, и его супругой, которая была школьной подругой Марики; с хорошо знакомым Марике, ещё по Тифлису, композитором Александром Шамильевичем Мелик-Пашаевым (1905 – 1964), дирижёром и педагогом: с 1931 – дирижёр, в 1953 – 1962 стал главным дирижёром

оркестра Большого театра, когда Михаила Афанасьевича уже 13 лет как не стало.

По случаю приезда в Москву в 1929 редактора итальянской газеты «La Stampa» Курцио Малапарте итальянские друзья Пиччини пригласили Марику в Архангельское. Их путешествие описано мною в другой главе. Марика предложила поехать вместе с Булгаковыми.

Так в начале лета 1929, в подмосковном Архангельском целый день провели вместе два тогда ещё молодых, впоследствии известных писателя – Михаил Афанасьевич Булгаков и Курцио Малапарте (1898 – 1957, настоящее имя – Курт Зуккерт).

Курцио Малапарте посетил Россию во второй раз, в 1956 проездом в Пекин. В последней, изданной посмертно книге «Я в России и в Китае» он описал свои впечатления от Москвы середины 1950-х, сравнивая их с полученными им же в 1929, когда ему довелось провести в Москве всего несколько дней. Прежде всего, меня потрясла в этой книге глава II. Мне удалось достать книгу на французском и итальянском языках. Название этой главы: «Марика как вчера»! – Москва, октябрь 1956.

Глава была опубликована в моём переводе в журнале «Архитектура и строительство Москвы» за апрель 1990 среди серии моих публика-

ций под названием «Булгаков и пречистенцы» (1990, №№ 2, 4, 5, 9, 11).

Вот несколько фраз о Марике (писатель представил своё посещение Москвы в 1929 как некий более продолжительный визит. На самом деле у них с Марикой было всего два дня):

«В ту отдалённую пору моей жизни в Москве два или три раза в неделю я садился на площади Свердлова в трамвай № 2[9] и вместе с Марикой Чимишкиан ехал на Новодевичье кладбище провести там предвечерние часы. Загородный простор начинался тогда прямо за Хамовниками <…>

Милой Марике едва было тогда двадцать лет. Она подрабатывала медицинской сестрой в больнице где-то в недрах Арбата, а после ночных дежурств, во второй половине дня, была свободна, если только сестра[10], снимавшаяся в кинематографе, не просила её остаться дома и помочь ей выучить наизусть роль по сценарию.

Мы садились на скамейку около могилы композитора Скрябина или на шершавый могильный камень Дениса Давыдова <…> Бывало, долгими часами, молча, сидели мы и смотрели на

---

[9] Это были два трамвая: № 24 и 34, – замечание самой Марики в разговорах со мной.

[10] На самом деле это была её подруга Кира Георгиевна Андроникова.

весеннее небо над Воробьёвыми горами по ту сторону реки <…>

<…> Не знаю, любила ли меня Марика. Иногда мне казалось, что она всё-таки хоть немного в меня влюбилась, при том как я сам был в неё влюблён. Но я не отважился сказать ей об этом, опасаясь решительного запрета.

И теперь её, Марику, искал я сегодня, вновь оказавшись у Новодевичьего монастыря. Может быть, я не отдавал себе в том отчёта, но именно Марику искал я в воскресной толпе, торопливо проходившей по тротуарам Хамовников <…>

Я спускаюсь к реке по старой тропинке и почти не замечаю, что на самом деле иду по широкой асфальтированной улице, что прохожу не по узкому и тёмному туннелю прежних времён, а под высоким сводом, освещённым двумя рядами электрических ламп. И когда я выхожу на другую сторону и осматриваюсь, когда я поднимаю глаза к Воробьёвым горам, у меня вдруг возникает ощущение, что всё то, что здесь когда-то было, навсегда умерло, что никакой Марики больше нет. Вдоль берегов Москвы-реки, там, где мы с Марикой сидели на поросшем травой берегу, теперь проносятся две автострады, через реку перекинут высокий мост, а там, на Воробьёвых горах, открылась большая площадка, и в глубине её стремится к небу гигантский небоскрёб Московского университета <…> Москва простирается

передо мною от края до края горизонта – беспредельный город. Он более не сияет золотыми куполами, а топорщится высокими постройками. По пустынной реке, – тогда она была именно совсем пустынной, – проходят буксиры, баржи, лодки. Вдали, с противоположной стороны, темнит небо лес заводских труб.

Закрыв глаза, ошеломлённый, я силюсь вспомнить город, которым любовался с Марикой с высоты того же холма в те отступившие времена, в ту тяжёлую, мрачную пору…».

Оглавление

Михаил Афанасьевич Булгаков, ...
выдуманный Курцио Малапарте 4
О поездке в Архангельское.....
с четой Пиччини и Курцио Малапарте..... 18
Марика 21

Научное издание

Шапошникова Наталия Вадимовна

Михаил Афанасьевич Булгаков, выдуманный Курцио Малапарте

Вёрстка, оформление О.А. Дименко

+7 (495) 427-56-73, +7 903 737 24 93
fondbulgakova@gmail.com
www.fondbulgakova.info
www.facebook.com/FondBulgakova

ISBN 978-5-9905404-3-9

Подписано в печать 14.09.2018
Формат 60x90/16. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Издательство „Перо“»
www.pero-print.ru